

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №11 05/11/2012– www.afficha.info

Дети безвременья.

Екатерина Богопольская

Последний хит парижского Осеннего фестиваля? «Дачники» М.Горького, сыгранные на французском актерами из знаменитого фламандского театра TG STAN. (Théâtre de la Bastille. 31 октября - 17 ноября).

В течение 10 лет ни один сезон театра de la Bastille не обходится без спектаклей TG STAN (S(top) T(hinking) A(bout) N(ames)). Надо сказать, что опыт TG STAN (или как называют их французы, просто STAN) достаточно уникален в современном театре – это исключительно актерский коллектив, который работает без режиссера. Театр был создан в 1989 года 4-мя выпускниками театральной Консерватории Антверпена, Иолантой де Керсмакер, Домианом Де Шрийвером, Сарой де Ру и Франком Веркруйсенем. С тех пор к ним присоединились другие актеры. В основе эстетики STAN – разрушение «четвертой стены», игра между персонажем и исполнителем. Действие спектаклей всегда происходит здесь и сейчас, ставят ли они Ибсена, Уайльда, Шницлера или, как теперь, пьесу Горького 1904 года. Любой материал становится под их рукой самоигральным, наслаждение от игры – необходимое условие существования спектакля. Так и «Дачники». Два с половиной часа без антракта, пока идет спектакль, превращаются в настоящий праздник. Театр STAN вообще в Париже знают и любят, но успех «Дачников» просто ошеломительный: за две недели до конца гастролей свободных билетов практически нет.

Создатели уникального актерского театра TG STAN

И все французские рецензенты в один голос нашли текст Горького «абсолютно потрясающим». Когда-то Станиславский отказался от постановки под предлогом того, что он увидел в пьесе насмешку, даже клевету на русскую интеллигенцию. Французы сегодня, напротив, полагают, что Горькому как раз «не удалось сделать памфлет на упадочническую интеллигенцию», - как пишет обозреватель театрального издания *Inferno*

Брюно Патерно.- «Мы любим их, мы прощаем их, потому что они слишком похожи на всех нас, эти дачники».

Сегодняшние европейцы решительно отождествляют себя с персонажами «дачников», этими растерянными человеками, которым сочувствуют. Хаос, смятение, непонятно как жить дальше – это все про сегодняшнюю Европу.

В своей постановке «Дачников» фламандцы соединяют предреволюционный хаос русской жизни у Горького со смятением современного человека: все французские критики сходились во мнении – эта пьеса про нас.

В сущности, на материале горьковской пьесы актеры STAN продолжают свою постоянную тему, которую они формулируют примерно так: «мы, как и большинство европейцев, переживаем кризис во всех сферах жизни, словно в ловушку пойманные боязнью потери статуса-кво, зараженные общей апатией западной цивилизации, согласно которой любая попытка идеологических перемен обречена на поражение. Короче, мы больше не понимаем того, что происходит. В этом смысле «Дачники» могут быть прочитаны как абсолютно исповедальное для нас произведение. В пьесе Горького речь идет о приходе левой интеллигенции, сегодня мы присутствуем при ее закате, во всяком случае, в политике». Фразу Рюмина «бытие человека случайно, бессмысленно... бесцельно» можно было бы взять как эпитафию к этой постановке горьковской пьесы. Но фарс, в который автор превратил трагедию интеллигенции, находит сильный отклик в самоиронии постмодернизма, и именно оттого вызывает бурное сопереживание современного человека. Самобичевание интеллигенции здесь рассматривают с горечью, иронией и любовью одновременно.

Photo Tim Wouters

Замыслов - Дамиан Де Шрийвер, Юлия - Тина Эдъбрехтс

Изначально актеры STAN хотели ставить «Чайку», но потом остановились на «Дачниках», увидев в этой пьесе большее созвучие эпохе. Посмотрели все существующие переводы на разных языках, сравнили. Как работали? «Застольный период - 6 недель, во время которого обсуждали совместно пьесу», - рассказывал мне после премьеры Дамиан Де Шрийвер. Потом выходят на сцену, каждый привносит свое. Как из этой актерской мозаики рождается гармония и слаженность, Дамиан рассказывать не стал.

Если «Дачники» - самая чеховская пьеса Горького, в ней тем нагляднее проглядывают различия с Чеховым: актеры STAN сравнивают ее по стилю не с «Вишневым садом» (хотя такое сравнение напрашивается тематически само собой), а с «Платоновым», который также «грешит чрезмерностью во всем». Зато это позволяет, как говорит Франк Веркруйсен, рассматривать текст Горького как playground – замечательную по возможностям игровую площадку. В спектакле заняты 9 актеров, все

играют по несколько ролей, кроме исполнительницы роли Варвары. Наверное потому, что она, Варвара, сыгранная убежденно и страстно Иолантой де Керсмакер, явно театром выделена.

...Зал погружен в темноту, только бродят вдоль рядов билетерши с керосиновыми лампами (правда, не настоящими), и рассказывают зрителям. Так же в полной темноте и начинается спектакль – у Горького в начале сцены на даче Басовых произошла поломка электричества, так что мы слышим лишь голоса. Свет зажигается после реплики «Саша, дайте огня», и мы видим сидящих на разных концах сцены лицом друг к другу Варвару и Басова.

Photo Tim Wouters

Ольга – Сара де Ру, Дудаков - Робби Клейрен

Актеры в кроссовках и джинсах суетятся по сцене, передвигают аксессуары и элементы декорации, включают фонограмму. Там и здесь расставлены стулья из цветного пластика. Царствует артистический хаос, ощущение полного кавардака. В полном соответствии с репликой Варвары – «мы суетимся, не находим себе места». Вместе с тем, это не хаос от пустоты и тоски, а веселый каким-то почти вакхическим порывом спектакль, в чем-то сродни радостной энергии театра ярмарочных комедиантов. Будто все действие держится не сцеплением драматургического механизма, а на импровизационно-спонтанном существовании актеров.

Один из структурообразующих мотивов пьесы «Дачники» - мотив театра: в центре второго акта - любительский спектакль, который должны разыграть сами дачники. Но подготовка его происходит как-то странно бестолково и даже абсурдно: на репетицию спектакля, который зрители так и не увидят, спешат не участвующие в общем действии актеры. Мотив театра становится отправной точкой для создателей спектакля. Актеры STAN все время проходят туда и сюда из зала на сцену, со сцены - в зал. Несут какие-то ненужные, не совсем понятные предметы, типа деревянных верстаков. Что-то строят, но совершенно непонятно, что и зачем. В действие постоянно врываются спешащие на репетицию любители. Во втором акте посреди сцены с помощью корабельных канатов натягивают синий занавес, одновременно отсылающий к театру и парусу. Здесь жизнь - как вечная репетиция какого-то смешного и трагичного спектакля, который никогда не состоится. Отсюда театральность сценографии. Над сценой все время зажжена знаковая театральная лампочка, так называемая *servante* или *ghost lamp* – светильник, который оставляют в пустом театре на ночь. Проектора над сценой закрыты яркими разноцветными фильтрами. Гирлянды цветных лампочек сложены в глубине сцены – в последнем действии их подвешивают к колосникам в эпизоде объяснения Марии Львовны и Власа. Своего рода мерцание невозможного счастья. Вообще, любовная тема, ее несбыточность, ее миражи - одна из главных тем этих «Дачников».

Перед началом третьего акта (сцена пикника) занавес с грохотом обрушивается, словно окончательно разрушая все иллюзии. Но никакой меланхолии, никакой тоски – интонация праздника остается. Это, прежде всего радость от самого процесса игры, которая передается от сцены к залу и обратно. Но и метафора жизни как балагана, все дачники в той или иной степени, всего лишь паяцы. Правда, паяцы милые, их жаль. У Горького есть персонаж, актер любительского спектакля, названный «молодой человек в клетчатом костюме», который жалуется «даме в желтом платье»: «Собственно говоря, я – герой... А он (*то есть режиссер* –Ек.Б.) дает мне комические роли. Нелепо же, согласитесь!». Любительский спектакль, в котором многие мечтали сыграть роль героя драмы, а ему дали роль комического персонажа, становится здесь метафорой жизни дачников, и, может быть, не только их одних.

В красной кофте Варвара - Иоланта де Керсмакер

Фламандцы играют «Дачников» прежде всего как комедию – люди нелепы, несчастны и смешны в своих притязаниях на истину.

Печальный водевиль – так можно назвать жанр этого спектакля, в котором очень много от души смеются, а в финале остается грустное послевкусие абсурда жизни.

Бородатый мужик в открытой цветастой рубашке, едва прикрывающей волосатую грудь, сочный Домиан Де Шрийвер исполняет одновременно роль Басова и Замыслова. Потребитель земных благ адвокат Басов и потребить женской плоти Замыслов. Еще он успевает периодически выходить из роли, посылая в зал ироничные комментарии о пьесе (например, читает ремарку «в этом месте происходит яростный спор», угрожающе размахивая над головой молотком), и бубнить что-то «о дачниках» – уже от имени сторожа Пустобайки. Но везде остается самим собой. А вот Робби Клейрен, перевоплощается неузнаваемо, переходя в течение нескольких минут от роли доктора Дудакова к роли писателя Шалимова, а Франк Веркруйсен – от роли Суслова к роли Рюмина.

Все женщины, помимо своих ролей, играют еще и роли актрис любительского спектакля, словно в подтверждение слов Суслова: «все женщины – актрисы». К Марии Львовне Хильды Вильс так же, как к Варваре, театр отнесся со всем серьезом. Она из немногих, над кем не иронизируют. А вот Калерия – откровенно смешная, никакого флера роковой поэтессы из декаданток и в помине нет. Тина Эльбрехтс – Юлия Филипповна, как только появляется, сразу же концентрирует на себе все внимание. В небрежно спадающих блузках с открытой спиной выглядит она, по меньшей мере, вызывающе. Но в беззаботном веселье и откровенном распутстве ее подспудно проскальзывает отчаяние самое настоящее, так заглушают внутреннюю тоску.

Переодевания, переходы от одного к другому персонажу происходят открыто, ничего от зрителей не скрывают. Можно сказать, театр делают вместе со зрителями. Посреди всего этого шутовства накал страстей и драм – нешуточный. И когда Юлия предлагает Суслову застрелиться – это не отпадная выходка, а на полном серьезе. Вообще,

это женский спектакль, женские персонажи здесь явно значительнее, чем мужчины. Дамиан говорит о своем персонаже еще жестче – «несостоятельность, своего рода импотентность мужчин в «Дачниках» совпадает с импотентностью всего общества, не способного к изменениям. Все боятся взять на себя ответственность». Из мужчин симпатичнее всех Влас. Но смысл слов обличительного финального памфлета его почти не разобрать. Больше чистого шутовства. Наверное, потому, что на «нищету чувств и разврат мысли», как говорил о «дачниках» Влас, здесь смотрят со снисхождением – таковы дети безвременья. И в этом смысле все мы дачники. Ситуацию актеры STAN постоянно проецируют на себя. Так, на мой вопрос о названии музыкальных отрывков фонограмм, сопровождавших спектакль, Дамиан ответил, что они просто отобрали любимые рок-групп своей молодости.

Photo Tim Wouters

Варвара - Иоланта де Керсмакер, Влас - Берт Хельвет

Спектакль труппы STAN - хоральный во многих отношениях. Во-первых, он создан хорально. Во вторых, он выстроен тоже хорально. Подобно хору, из которого выделяется протагонист, из группы актеров, постоянно присутствующих на сцене, выделяется несколько исполнителей, и выходят на авансцену, чтобы сыграть свой эпизод. Хоральный еще и потому, что все персонажи связаны, нет правых и виноватых, или все по- своему правы, все по- своему виноваты. И все несчастны. Горьковские персонажи все вместе как прообраз мира, символ человечества вообще, а не только отдельной группы интеллектуалов. Невозможность дальнейшего совместного бытия и одновременно трагическая связанность друг с другом персонажей кажется наглядно реализуется в сцене финальной пантомимы: сцепившись вместе, все зависают в самых нелепых позах, словно иллюстрируя реплику Варвары: «Все боятся чего-то и хватаются друг за друга, и просят помощи...».